

Богословско-историческая коллекция
**Духовные учебные заведения
и духовное просвещение в России**

Матфей (Мормыль), архим.

ЛИТУРГИЧЕСКАЯ НАУКА В МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ

Богословские труды. Юбилейный сборник,
посвященный 325-летию Московской
Духовной Академии (1685-2010).
Сергиев Посад, 2010, №11-12. С. 242-255

© Сканирование и создание электронного варианта:

Учебный комитет РПЦ
www.uchkom.info

Московская православная духовная академия
www.mpda.ru

Москва, 2014

АРХИМ. МАТФЕЙ (МОРМЫЛЬ)

ЛИТУРГИЧЕСКАЯ НАУКА В МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ¹

Отмечая трехсотлетие бытия Московской духовной академии, мы с благодарностью вспоминаем имена многих ученых богословов, которые поистине составляют честь и славу нашей знаменитой школы, пронесшей через века знамя богословской науки и возраставшей великое множество неумолимых тружеников на ниве духовного просвещения в Русской Православной Церкви.

В день окончания наших юбилейных торжеств 29 декабря² исполняется 100 лет со дня кончины профессора Московской духовной академии Ивана Даниловича Мансветова. Его имя открывает плеяду великих тружеников-богословов, посвятивших себя служению литургической науке. Ими была создана, можно сказать, «московская» литургико-богословская школа, о становлении которой и будет идти речь.

Известно, что источники зарождения литургики как науки о православном богослужении относятся в России к середине XVII века (т. е. немного ранее основания нашей духовной школы), когда изучение богослужения нашей Церкви сводилось к истолкованию и объяснению Литургии. В 1655—1656 гг. в Москве печатается первый большой труд, известный под названием «Никоновой Скрижали»³, который был со-

¹ Доклад, прочитанный на научно-богословской конференции, посвященной 300-летию Московской духовной академии, которая состоялась 26—27 декабря 1985 года в МДА (Комаров К. М., диак. В. Цыпин, Белов В., Козлов М. Е. Празднование 300-летия Московской Духовной Академии // ЖМП. 1986. № 4. С. 15—16). Публикуется посмертно по машинописи, хранящейся в библиотеке МДА. Примечания архим. Матфея были расширены и унифицированы редакцией журнала.

² 29 декабря 1985 года состоялась Торжественный акт, посвященный 300-летию МДА (Там же. С. 18—32).

³ Зернова А. С. Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI—XVII веках. Сводный каталог. М., 1958. С. 82—82. № 266.

ставлен ученым греком Иоанном Нафанаилом и прислан в Москву в 1653 году Иерусалимским патриархом Паисием по просьбе патриарха Никона. Хотя Скрижаль и была важным и нужным пособием для объяснения богослужения, но она была лишь сборником разных толкований о храме и священнодействиях Литургии, и в ней не уделялось места историческому изучению предмета, отсутствовали ссылки на источники, и ничего не говорилось о происхождении и развитии церковного богослужения и обрядов.

В XVIII веке Святейшим Синодом предпринимались попытки издания новых книг о церковных обрядах и службах. Результатом их можно считать известную и в настоящее время «Новую Скрижаль, или Положительное объяснение о Церкви, о Литургии, о всех службах и утварях церковных» архиепископа Нижегородского и Арзамасского Вениамина (Краснопевкова), впервые изданную в 1803 году, которая представляет собой своеобразную литургическую энциклопедию и с 1803 по 1912 г. выдержала восемнадцать (!) изданий.

На рубеже XVIII—XIX веков начинает закладываться фундамент русской литургической науки в высших богословских школах — духовных академиях. В системе богословского образования по первоначальному академическому Уставу 1814 года литургики как отдельной самостоятельной дисциплины не существовало. Она преподавалась вместе с церковным правом или церковной историей, а с 1869 года — вместе с церковной археологией. Только с семидесятых годов XIX века литургика начинает приобретать право на самостоятельное существование.

Историю становления и развития литургической науки в Московской духовной академии можно условно разделить на три периода: первый, подготовительный — до семидесятых годов XIX века; второй — старая литургическая школа — начиная с семидесятых годов XIX века по двадцатые годы XX века; третий — новый — начиная с 1944 года до настоящего времени.

К первому периоду относятся попытки некоторых профессоров нашей Академии найти верный последовательный метод в изучении богослужения. Существовавшее ранее схоластическое символическое

объяснение богослужения, обрядов и священнодействия не удовлетворяло требованиям науки, потому что не могло правильно раскрыть истинный смысл богослужения как в целом, так и в его отдельных частях и не придавало необходимого значения месту литургического предания в жизни Церкви. Осознание того, что пренебрежение историческим генезисом при раскрытии развития того или иного процесса лишает возможности объективно понять подлинную природу вещей, привело исследователей к необходимости положить в основу изучения богослужения исторический метод исследования.

Особая заслуга в этом принадлежит ректору Академии архиепископу Филарету (Гумилевскому), которого следует считать одним из зачинателей русской исторической литургики. Появление и использование «исторического метода» в русской богословской науке, в том числе и в литургики, обусловлено деятельностью архиеп. Филарета (Гумилевского) в Московской духовной академии, который активно использовал его в преподавании догматического богословия и «сумел пробудить у своих слушателей не только интерес, но и любовь к историческим занятиям»⁴. В распространенном предисловии ко второму изданию «Исторического обзора песнопевцев» он писал: «По историческим исследованиям ясно и несомненно, что Святая Церковь относительно обрядов богослужения действовала с разумною свободою: принимала новые порядки служения по их благотворному действию на людей и потом заменяла их другими, когда видела, что прежние порядки не совсем полезны и нужны другие. <...> Теория богослужения, не опирающаяся на исторические данные, — ложная теория сама по себе и вредная по своим последствиям. Тут гуляет произвол, наводящий туманы и на ум, и на сердце. По его милости в толковании одного и того же обрядового действия, одной и той же обрядовой принадлежности встречается пять и шесть толкований разных»⁵.

Избрав исторический метод, молодая литургическая наука получила необходимый импульс для своего становления и развития. К литур-

⁴ Флоровский Г., прот. Пути русского богословия. Париж, 1937. С. 365.

⁵ Филарет (Гумилевский), архиеп. Чергиновский. Исторический обзор песнопевцев и песнопения Греческой Церкви. Чернигов, 1864. С. 5.

гистам нашей Академии можно причислить и А. Л. Катанского, начинавшего здесь научную и педагогическую деятельность, но вскоре перешедшего в Петербургскую духовную академию⁶. В своих трудах он систематически использовал исторический метод⁷, и его «Очерк истории Литургии нашей Православной Церкви» начинался словами: «Несомненно, что самое лучшее истолкование богослужения, по крайней мере для образованного общества, если не для всех, есть историческое. Все другие приемы толкования, как ни много говорят они религиозному чувству, не способны удовлетворить многих. Основа всех других толкований (кроме исторического) есть, более или менее, субъективное чувство и воззрение»⁸. Литургическая исследовательская деятельность А. Л. Катанского знаменательна и тем, что он первым из русских богословов стал заниматься вопросами сравнительной литургики.

Второй период становления нашей литургической школы начинается трудами профессора И. Д. Мансветова, который первым среди русских ученых стал автором больших исследований в области литургики⁹. Он,

⁶ Александр Львович Катанский (19 ноября 1836 г. — 12 марта 1919 г.) в 1863—1867 гг. преподавал в Московской духовной академии церковную археологию (в которую входила и литургика), перешел в Санкт-Петербургскую духовную академию в 1867 г. на кафедру догматического богословия, в 1877 г. получил степень доктора богословия за исследование «Догматическое учение о семи церковных Таинствах в творениях древнейших отцов и писателей Церкви до Оригена включительно» (СПб., 1877). Ему принадлежат и некоторые литургические исследования: «Очерк истории Литургии нашей Православной Церкви» (СПб., 1868); «Очерк истории древних национальных Литургий Запада» (СПб., 1870); «К истории литургической стороны Таинства Брака» (ХЧ. 1880. Ч. 1. № 1—2. С. 98—127); «Очерк истории литургической стороны Таинства Елеосвящения» (ХЧ. 1880. Ч. 2. № 7—8. С. 92—131). Кроме того, А. Л. Катанский принимал активное участие в подготовке и издании «Собрания древних Литургий восточных и западных, в переводе на русский язык» (Вып. 1—5. СПб., 1874—1878).

⁷ Во время преподавания в Московской духовной академии сильное влияние на А. Л. Катанского оказал прот. А. Горский, во многом определивший историческую методологию его научно-богословских исследований (*Катанский 1914*. С. 179—185).

⁸ *Катанский А. Л. Очерк истории Литургии нашей Православной Церкви*. СПб., 1868. С. 3.

⁹ Биографические сведения о проф. И. Д. Мансветове, а также полную библиографию его исследований см. в работе: *Смирнов С., прот. Проф. Московской Духов-*

по словам Н. Н. Глубоковского, явился «принципиальным реформатором литургии и стал фактическим основоположником её научного бытия. Он прочно аргументировал, что в литургических изысканиях надо восходить к первоначальному зерну, из которого постепенно развивалась вся дальнейшая богослужebная система, то органическим возращанием по внутренним импульсам, то механическим напластованием по случайным внешним причинам»¹⁰.

Для чтения академических лекций И. Д. Мансветов использовал богатые рукописные материалы, к которым ранее исследователи практически не обращались. Большую часть своих работ он печатал в богословских журналах, в том числе и в «Богословском вестнике».

В 1875–1876 г. в Москве был напечатан труд архимандрита Сергия (Спасского), впоследствии архиепископа Владимирского, посвященный восточной агиологии¹¹, за который Московская духовная академия удостоила его ученой степени доктора богословия. Через некоторое время автор представил исследование в Императорскую Академию наук на соискание Уваровской премии, в связи с чем должен был последовать письменный отзыв от Московской духовной академии. Решением Совета Академии составить обстоятельный отзыв на данное сочинение было поручено И. Д. Мансветову, которому пришлось произвести обстоятельный научный анализ, тщательно просмотреть и основательно изучить рукописные литургические памятники и многие древние богослужebные книги на греческом и славянском языках, имеющиеся в московских книгохранилищах. Работа над рецензией подвинула его к дальнейшему изучению истории православного богослужения.

Вскоре И. Д. Мансветов публикует ряд статей и монографий, из которых наиболее значимыми являются исследование о византийском

ной Академии И. Д. Мансветов: (Некролог) // ПрибТСО 37. 1886. Кн. 1. С. 1–13 (5-я пагин.).

¹⁰ Цит. по: Глубоковский Н. Н. Русская богословская наука в ее историческом развитии и новейшем состоянии. М., 2002. С. 107–108.

¹¹ Сергей (Спасский). архим. Полный месяцеслов Востока. Т. 1. Восточная агиология. М., 1875; Он же. Полный месяцеслов Востока. Т. 2. Святой Восток. М., 1876.

песенном последовании¹², о литургической деятельности митрополита Киприана¹³ и монография о происхождении Типикона¹⁴, которые можно рассматривать как своего рода «трилогию», где рассматриваются богослужебные вопросы греческой и русской церковной традиции в плане их отношения к Иерусалимскому и Студийскому уставу, а также к уставу Великой Церкви св. Софии в Константинополе. Работы И. Д. Мансветова убеждают, что за каждым чином или богослужебным последованием, обрядом или даже богослужебным элементом стоит тысячелетняя традиция, и поэтому к богослужению следует относиться как к одной из богатейших сокровищниц наследия Христовой Церкви, хранящей в себе апостольские начала и благодатность духа первых христиан.

Исследование истории Типикона, выполненное И. Д. Мансветовым, показало, что Типикон всегда являлся основным «регулятором» церковно-богослужебной практики и «вождем всем книгам». Кроме того, в своих сочинениях И. Д. Мансветов «прочно обосновывает необходимость в литургических исследованиях восходить к первоначальному апостольскому богослужению, чтобы наиболее полно и объективно раскрыть и уяснить литургическую жизнь Православной Церкви от ее истоков и до настоящего времени»¹⁵. Но если само богослужение и несет на себе печать глубокой древности, то по своей структуре оно никогда не было стабильным. Вот почему судьба Типикона как регулятора богослужения «неотделима, — по справедливому мнению И. Д. Мансветова, — от общего хода развития церковной службы и идет с нею рука об руку, отражая в своем движении различные перемены, которые испытывала эта последняя»¹⁶.

Начатая проф. И. Д. Мансветовым разработка литургической тематики была продолжена православными учеными — начиная с его

¹² Мансветов И. Д. О песенном последовании // ПрибТСО 26. 1880. Кн. 3. С. 972–1028 (1-я пагин.).

¹³ Мансветов И. Д. Митрополит Киприан в его литургической деятельности. М., 1882.

¹⁴ Мансветов 1885.

¹⁵ Георгиевский А. И. Выступление по докладу епископа Питирима // БТ 5. 1970. С. 227.

¹⁶ Мансветов 1885. С. 1.

современников-коллег и кончая литургистами нашего времени. К ним относятся Н. Ф. Красносельцев, А. А. Дмитриевский, М. Н. Скабалланович, прот. М. Орлов, протоиерей К. Кекелидзе, сербский литургист прот. Л. Миркович, прот. А. Шмеман, Н. Д. Успенский и многие другие.

Судя по всему, не без влияния И. Д. Мансветова в 1892 году появилась книга святителя Феофана (Говорова) «Древние иноческие уставы»¹⁷. Этим монашеским уставам в монографии И. Д. Мансветова была дана надлежащая оценка как содержательному источнику по истории богослужения золотого христианского века, когда западная и восточная половины христианского мира жили общей церковной жизнью, оказывая взаимное влияние друг на друга, когда западные уставы преподобных Кассиана Римлянина и Венедикта Нурсийского сложились по образцу и под живым воздействием обычаев Востока¹⁸. Позднее эти тексты были использованы М. Н. Скабаллановичем при рассмотрении истории развития богослужения IV–V веков¹⁹.

После кончины проф. И. Д. Мансветова его преемником по кафедре церковной археологии и литургики в нашей Академии стал Александр Петрович Голубцов²⁰. Его 25-летняя деятельность в науке оставила о нем память как об авторитетнейшем археологе-литургисте (кстати, и инициаторе создания Церковно-археологического кабинета в нашей старой школе). В своих многочисленных литургических работах и исследованиях, и особенно в монументальном двухтомнике «Из чтений

¹⁷ Феофан (Говоров), свт. Древние иноческие уставы прп. Пахомия великого, свт. Василия Великого, прп. Иоанна Кассиана и прп. Венедикта. М., 1892.

¹⁸ Мансветов 1885. С. 10–23.

¹⁹ Скабалланович М. Н. Толковый Типикон. Объяснительное изложение Типикона с историческим введением. Вып. 1. Киев, 1910. С. 226–242, 255–258, 343–352.

²⁰ Александр Петрович Голубцов (20 ноября 1860 г. — 4 (17) июля 1911 г.). С 1887 — и. д. доцента по кафедре церковной археологии и литургики Московской духовной академии. С 1891 г. был заведующим Церковно-археологическим музеем Московской духовной академии. С 1892 г. — доцент академии по кафедре Церковной археологии и литургики. Одновременно в 1893–1896 гг. преподавал французский язык в Академии. С 1896 г. — э.-орд. профессор, с 1907 г. — ординарный профессор Академии. Курс лекций в Академии был посмертно издан его сыном Иваном в 1918 г. в двух частях под названием «Из чтений по церковной археологии и литургики».

по церковной археологии и литургике»²¹, он, следуя своему предшественнику, шел по пути исторического раскрытия содержания церковных обрядов. С глубокой обстоятельностью А. П. Голубцов описал особенности богослужебных чинов соборного и соборно-приходского служения, сохраняющегося на Руси с древних времен²².

Ему же принадлежат ценнейшие описания и публикации отечественных церковно-уставных памятников — чиновников Московского Успенского собора²³, Новгородского Софийского собора²⁴, Холмогорского Преображенского собора²⁵ и Нижегородского Преображенского собора²⁶, отличающихся богатством содержания и наглядно свидетельствующих о литургической и духовной жизни Святой Руси. С появлением в свет этого капитального труда осуществилась заветная мечта И. Д. Мансветова об издании специальной монографии о местно-русских церковных чинах, которые богаты по своему содержанию и которые поэтому могут принести большую пользу при изучении нашего чисто русского богослужебного наследия.

Во всех исследованиях проф. А. П. Голубцова показывается, что русское богослужение является не только воспроизведением греческих литургических установлений и порядков, не только отражением византийского наследия, но хранит преемство древнехристианских традиций вселенского Православия с его величественной благолепной обрядностью и глубоким богословским содержанием.

Второй период становления Московской литургической школы ознаменовался не только трудами профессоров И. Д. Мансветова и А. П. Голубцова. В конце XIX века и в первые два десятилетия XX столетия зарождалось новое «литургическое движение», которое ста-

²¹ Голубцов А. П. Из чтений по церковной археологии и литургике. Ч. 1. Археология. Ч. 2. Литургика. СПб, 1918.

²² Голубцов А. П. Соборные чиновники и особенности службы по ним. М., 1907.

²³ Голубцов А. П. Чиновники Московского Успенского собора. М., 1907.

²⁴ Голубцов А. П. Чиновник Новгородского Софийского собора. М., 1899.

²⁵ Голубцов А. П. Чиновники Холмогорского Преображенского собора. М., 1903.

²⁶ Голубцов А. П. Чиновник Нижегородского Преображенского собора. М., 1905.

вило своей целью восстановление литургического наследия Церкви во всей его целостности и благолепии и которое подготовило православное духовенство и благочестивый народ к противостоянию всем крайностям так называемых «богослужбных реформ» обновленческого движения. И в жизни духовных учебных заведений в указанный период начинает проявляться особый интерес к уставности богослужения, к поэтической красоте и богословию церковной гимнографии и к литургическому богословию. Именно в этом контексте появились так называемые «идеальные всенощные». Такую службу удалось совершить 10–11 ноября 1911 г. в Свято-Духовской церкви киевского Братского монастыря по инициативе профессоров Киевской духовной академии М. Н. Скабаллановича и прот. В. Д. Прилуцкого и группы студентов²⁷. Немного позже в 1915 г. подобная всенощная была отслужена в храме Владимирской духовной семинарии при ректоре архим. Павле (Борисовском) — выпускнике Московской духовной академии 1892 г.

Литургический ренессанс коснулся и нашей Духовной академии. Ярким и своеобразным его выразителем был проф. свящ. Павел Флоренский. Отец Павел Флоренский, хотя и не был литургистом в прямом смысле этого слова, так как никогда не преподавал литургику, но, будучи вдумчивым, серьезным богословом и с молодых лет став ревностным служителем алтаря Господня, всегда внимательно относился к богослужбной, литургической жизни Церкви. Он с душевной болью переживал все то, что совершалось не «благообразно» и не «по чину», и стремился привить студентам Духовной школы искреннюю, разумную любовь к православному богослужению, изъясняя его значение и глубоко проникая в самую его сущность. Это и послужило причиной появления в его обширном богословском наследии специальной литургической тематики, впоследствии получившей название «Философия культа»²⁸.

Отец Павел Флоренский не настаивал на общецерковном признании своих взглядов, но они свидетельствуют, что богословие может быть положено в основу истинной философии культа. Он сознавал,

²⁷ Скабалланович М. Н. Толковый Типикон. Объяснительное изложение Типикона с историческим введением. Вып. 2. Киев, 1913. С. 330–336.

²⁸ БТ 8. 1972; 17. 1977.

что исследование основ культоведения является «предприятием» бесконечно трудным и работать над ним в одиночку невозможно. «Если бы было время у нас, — говорил он своим слушателям, — нам следовало бы заново изучать и строить самую науку о культе в его внешнем сложении, делать анализы культовых форм, давать анатомию, гистологию и физиологию культа. Тогда только, собственно говоря, могли бы мы приступить к попытке философски рассмотреть явления культа...» И дальше отец Павел излагает причину, побудившую его заниматься литургической тематикой: «Никогда я не осмелился бы выступить с этими беседами перед вами, если бы не много лет положительно мучающая меня мысль: главное место церковной разрухи — невнимание, неразмышление над культом, главная задача современного богословия — изъяснение культа... То, что я могу предложить вам, это не курс лекций, но собрание тем для размышления, запови некоторые, даже не многие напевы будущей философии культа»²⁹. То, что по христианской и пастырской скромности называлось только «запевами», для науки литургического богословия представляет как раз главную направляющую веку в выяснении пути дальнейшего его развития.

В своей литургической тематике отец Павел Флоренский старался показать смысл и необходимость существования самого культа как такового. Ведь потребность в культе живет в человеке так же, как и религиозное чувство. А религиозное чувство обязательно потребует своего проявления через культ, ибо он — ответный благодарный «жест» человека Богу, Творцу всего и Отцу Небесному. За всю долгую историю жизни человечества было много разных попыток отвергнуть необходимость культа, но они изживали самих себя, и все возвращалось «на круги своя», так как существование культа есть явление общечеловеческое, явление естественное.

Цель и назначение культа состоит, по мнению отца Павла Флоренского, в том, чтобы содействовать процессу освящения всей реальности — всего того, что в человеке, и всего того, что вокруг человека: крик радости претворить в священную песнь, естественное ликование — в священное слово, стремление выразить религиозное

²⁹ БТ 17. 1977. С. 101.

чувство — в священный жест. Таким образом, с идеальной точки зрения культ не запрещает естественности движения, не стесняет его, не урезывает богатство внутренней жизни, а, напротив, утверждает это богатство в его полноте, закрепляет и «возвращает», т. е. всему естественному сначала дается просторный выход, а потом, через удаление из него всего случайного, хаотичного и через приобщение его к форме чистой человечности, возводит «до идеальной человечности, до самой природы человеческой, сотворенной по Христову подобию»³⁰. Вот почему в православном богослужении «есть что-то глубоко-глубоко близкое, что-то давно знакомое», и оно «воспринимается как припоминание родного и давно знакомого».

Культ призван блюсти равновесие человеческой личности. А это осуществляется посредством Таинств церковных, число которых, по мысли о. Павла Флоренского, соответствует числу основных функций человеческого существа. «Таинств семь потому, что семь устоев человеческой личности», а сами Таинства церковные «своею совокупностью выражают строение человека»³¹. При этом «Таинство определяется сознанием через свое обращение, через свой Обряд», который «есть часть земной действительности, своим строением возводящий дух к созерцанию Таинства»³² и «приспособляет нас к восприятию благодати, а благодать — к восприятию ее нами»³³.

Отец Павел Флоренский любил говорить на своих лекциях, что его задача как философа-богослова не излагать системы, а возбуждать мысли, ибо система — застывшая мысль, которая враждебна всякому живому углублению. Он оставил после себя океан мыслей. Благодаря его богословскому наследию литургическая наука получила возможность раскрыть еще в большей мере, чем до него, богатство предмета ее изучения — православного богослужения — через углубление его понимания и восприятия его истинной «красоты небесного праздника»³⁴.

³⁰ Там же. С. 138.

³¹ Там же. С. 144–145, 147.

³² Там же. С. 147.

³³ Там же. С. 153.

³⁴ Флоренский П. А., *свящ.* Столп и утверждение истины. М., 1914. С. 3.

Здесь следует отметить, что к числу ученых литургистов, связанных с Московской духовной академией во второй период, принадлежат и В. П. Виноградов, исследовавший систему уставных чтений в византийской и славянской литургических традициях³⁵, и С. П. Муретов, изучавший формирование чинопоследования Литургии³⁶.

Третий период истории нашей литургической науки начался с возрождения Московских духовных школ в 1944 году. В это время почти сорок лет кафедру Литургики возглавлял заслуженный профессор Алексей Иванович Георгиевский³⁷, энергичная деятельность которого была направлена к сохранению и поддержанию традиций московской литургической школы. Его перу принадлежит известная книга «Чинопоследование Божественной Литургии»³⁸, получившая высокую оценку в церковных кругах. Многие его статьи на литургические темы были напечатаны в «Журнале Московской Патриархии»³⁹, в «Богословских трудах»⁴⁰ и в зарубежных церковных периодических изданиях⁴¹.

Рассматривая новый период нашей науки, следует упомянуть и о

³⁵ Виноградов В. П. Уставные чтения (проповедь книги). Вып. 1. Уставная регламентация чтений в Греческой Церкви. СП, 1914; *Он же*. Уставные чтения. Вып. 2. Чтения по монастырским обиходникам. СП, 1917. *Он же*. Уставные чтения. Вып. 3. Очерки по истории греко-славянской церковно-учительной литературы. СП, 1915.

³⁶ Муретов С. П. Исторический обзор чинопоследования проскомидии до «Устава Литургии» константинопольского патриарха Филофея. М., 1895; Муретов С. П. К материалам для истории чинопоследования Литургии. СП, 1895.

³⁷ Алексей Иванович Георгиевский (14 января 1904 г. — 4 декабря 1984 г.) — заслуженный профессор Московской духовной академии. Будучи доцентом кафедры Литургики (1944–1958 гг.), в 1951 г. выпустил «Чинопоследование Божественной Литургии» — ценное практическое пособие для учащихся духовных семинарий и начинающих священнослужителей. 27 марта 1958 г. утвержден в звании профессора МДА, а в 1974 году удостоен звания заслуженного профессора.

³⁸ Георгиевский А. И. Чинопоследование Божественной Литургии. Краткое литургико-практическое пособие для учащихся духовных семинарий. М., 1951.

³⁹ См., напр.: Георгиевский А. И. Пасхальное богослужение // ЖМП. 1953. № 4. С. 54–59; Об исповеди перед причастием Святых Таин по свидетельству древнехристианской письменности // ЖМП. 1970. № 1. С. 68–73.

⁴⁰ Георгиевский А. И. Догмат о Воскресении в эпоху Вселенских Соборов // БТ 25. 1984. С. 321–336.

⁴¹ Георгиевский А. И. О церковном обряде. София: Изд. журн. «Православный миссионер», 1946. 16 с.

епископе Вениамине (Милове), который в конце 40-х годов XX века был профессором по кафедре патрологии и пастырского богословия, а также инспектором МДА⁴². Церковной общественности он больше известен как пламенный проповедник и ревностный пастырь-священнослужитель. В своих «Чтениях по литургическому богословию», впервые изданных в Брюсселе в 1977 г., епископ Вениамин систематизировал богословские идеи, содержащиеся в богослужебных текстах (песнопениях, молитвах и уставных чтениях) Октоиха, Минеи, Триоди и других богослужебных книг. В этом труде автор раскрывает церковную точку зрения на многие догматические и богословские вопросы: учение о Святой Троице, об искупительном подвиге Христа Спасителя (особенно вопросы Боговоплощения и сошествия Христа во ад), учение о Святом Духе, о почитании Божией Матери, литургическое учение об ангелах и другие.

Таким образом, в системе богословского образования Московской духовной академии всегда уделялось особое внимание глубокому изучению православного богослужения, которое, по образному выражению ректора Московской духовной академии протоиерея Александра Горского, представляет собой «цвет и плод древа жизни Церкви Христовой»⁴³.

Еще в двадцатые годы XX столетия выдающийся русский литургист проф. А. А. Дмитриевский при встрече с одним из своих учеников, молодым священником, сказал: «Я, батюшка, думаю, что для священника литургика всегда была и будет актуальной наукой»⁴⁴. Сознание этой актуальности жило во все времена существования нашей Духовной школы. Наши литургисты вместе со всеми отечественными богословами раскрыли и показали уникальную красоту православного

⁴² Вениамин (Миров), епископ Саратовский и Балашовский, родился 28 июля 1889 г, в 1920–1922 гг. обучался в Москве в Высшей богословской школе при Даниловском монастыре, где преподавали профессора МДА, с 1946–1949 гг. — преподаватель, затем профессор по кафедре патрологии МДА, читал академические курсы, в том числе и по литургии. Скончался 2 августа 1955 г.

⁴³ Катанский 1914. С. 173.

⁴⁴ Успенский Н. Д. Из личных воспоминаний об А. А. Дмитриевском // БТ 4. 1968. С. 87.

богослужения, объяснили, в каких формах оно выражается со времен апостольских, возвели благоговейное чувство к церковному обряду на степень сознательного к нему отношения и исторического его понимания. Их общими трудами, по словам протоиерея Александра Шмемана, «русская литургическая наука не только завоевала себе прочное и славное место в науке мировой, но был заложен прочный фундамент, без которого нельзя было бы говорить о литургическом богословии»⁴⁵.

ЛИТЕРАТУРА

Катанский 1914 — Катанский А. Л. Воспоминания старого профессора (с 1847 по 1913 г.). Вып. 1 (годы 1847—1867). Пг., 1914.

Мансветов 1885 — Мансветов И. Д. Церковный устав (Типик), его образование и судьба в Греческой и Русской Церкви. М., 1885.

От редакции

Архимандрит Матфей Мормыль († 15 сентября 2009 г.)⁴⁶ преподавал литургику и Новый Завет с 1963 по 1974 г. в МДС, а затем с 1983 г. — в МДА (с 1988 г. в звании профессора). Его перу принадлежат статьи: «Литургические традиции Троице-Сергиевой Лавры» (БТ 29. 1989. С. 194—200), «На чужом основании никогда ничего не строил...» (Московская регентско-певческая семинария: Сборник материалов 1998—1999. М., 2000. С. 66—91) и др.

С 2003 года профессором литургики является А. М. Пентковский, который, продолжая традиции И. Д. Мансветова, основное внимание уделяет изучению истории византийского богослужения. В частности, им подготовлено научное издание древнерусского перевода константинопольского богослужебного Синаксаря и ктиторского Типикона, составленного в 1034—1043 г. Константинопольским патриархом Алексием Студитом (*Пентковский А. М. Типикон патриарха Алексия Студита в Византии и на Руси. М., 2001*).

⁴⁵ Введение в литургическое богословие. Париж, 1961. С. 18.

⁴⁶ См. ниже некролог, посвященный памяти архим. Матфея. С. 935—944.